Прот. Л. ВОРОНОВ,
профессор Ленинградской
духовной академии

К ВОПРОСУ О ТАК НАЗЫВАЕМОМ „ТАЙНОМ" ЧТЕНИИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕМ ЕВХАРИСТИЧЕСКИХ МОЛИТВ ВО ВРЕМЯ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

Известно, что на литургии св. Василия Великого и на литургии св. Иоанна Златоуста все молитвы, связанные с евхаристическим жертвоприношением, за исключением молитвы заамвонной, читаются священнослужителем не вслух для всего народа, а «тайно» (μυστικῶς), то есть вполголоса, или даже молча — в зависимости от того, как понимает указанное в тексте служебника слово «тайно» данный совершитель св. литургии. Некоторые из этих молитв, как явствует из самого их текста, предназначены всецело для священнослужителей. Так, например, в молитве «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластьми приходити, или приближитися, или служити Тебе, Царю славы...» — в той самой молитве, перед началом которой имеется в служебнике указание, что священник глаголет ее тайно,— служащий обращается к Господу со следующим, приличным только лицу нерархическому, прошением: «... уловли мя силою Святаго Твоего Духа, облеченна благодатию священства, предстати святей Твоей сей трапезе и священнодействовати святое и пречистое Твое Тело и честную Кровь». Специально для священнослужителей предназначен и ряд других — подготовительных и завершительных — молитв св. Евхаристии. Но самые основные ее молитвы, входящие в состав так называемого «евхаристического канона», начиная со слов «Сый Владыко, Господи Боже Отче Вседержителю покланяемый...» (в литургии св. Василия Великого) и «Достойно и праведно Тя пети, Тя благословити, Тя благодарити...» (в литургии св. Иоанна Златоуста) и кончая словами, непосредственно предшествующими возгласу «И даждь нам единеми усты и единем сердцем...», по внутреннему их смыслу относятся не только к священнослужителю, но и ко всем предстоящим и молящимся верным, которые при этом, все без исключения, мыслятся как участники священнодействия бескровной Жертвы, готовящиеся к принятию священной трапезы Тела и Крови Христовых. Необычайная содержательность и дивная сила вдохновения, присущая этим молитвам, вызывают у некоторых лиц, из числа знающих все чинопоследование Божественной литургии, легко понятную печаль и сожаление, что множество верующих фактически оказывается лишенным возможности вникать в чудные слова «тайно» читаемых евхаристических молитв и духовно услаждаться их внутренним богатством.

В Церкви Христовой ничто не совершается случайно и не делается напрасно. Не могло быть случайным и напрасным и введение в богослужебную практику «тайного» чтения евхаристических молитв. Но понимая это и вполне соглашаясь с этим, некоторые любители церков-

ного богослужения с давних времен стремились уяснить себе причины, побудившие Церковь благословить «тайное» чтение этих замечательных молитв, и одновременно старались узнать их содержание. Еще св. Герман, патриарх Константинопольский (ок. 684 — ок. 733), писал, что «некоторые из стоящих вне алтаря часто приходят в недоумение... говоря: какая цель, мысль и сила тихо читаемых молитв, и желают получить об этом некоторое понятие» (Св. Германа, патр. Константинопольского, последовательное изложение церковных служб и обрядов.— См. Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1855, том I, стр. 425).

В настоящей статье вопрос о «тайном» чтении евхаристических молитв рассматривается в связи с некоторыми сторонами православного учения о священстве, а также в связи с проблемой так называемой «disciplina arcani». Цель этого рассмотрения — двоякая. Во-первых, показать догматическую и пастороологическую обоснованность введенной в IV—V веках по Р. Х. практики «тайного» чтения молитв св. Евхаристии. Во-вторых, выяснить подлинный смысл понятия «т а й н о е» чтение. В конце статьи дается приложение, в котором кратко обрисовывается взаимосвязь и различие между понятиями: «disciplina arcani» и «устное священное предание Церкви».

§ 1. Истинный смысл «преимуществ» иерархического священства перед так называемым всеобщим священством. Значение этих преимуществ для поддержания высокого уровня духовной жизни в Церкви.

С самого начала существования Церкви Христовой в ней имеются и действуют особые установления, предназначенные к поддержанию в верующих благоговейного настроения в отношении к сакраментальной жизни и особенно в отношении составляющих ее средоточие таинств. Важность и необходимость этих установлений определяется тем, что утрата благоговения по отношению к освятительным средствам, дарованным Церкви на основе крестных заслуг Господа Иисуса Христа, есть вступление на пагубный путь смерти духовной. Пользование святынями Церкви несовместимо с беспечностью и с забвением нашей греховности. Прикосновение к святыне делается ее оскорблением при отсутствии «сердца сокрушенного и смиренного», повергающего себя в пучину милосердия Божия со страхом Божиим, верою и любовию. «Имея дерзновение входить во святилище посредством Крови Иисуса Христа... да приступаем с искренним сердцем, с полной верой, кроплением очистив сердца от порочной совести... ибо... если отвергшийся закона Моисеева... без милосердия наказывается смертью, то сколь тягчайшему, думаете, наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь Завета, которою освящен, и Духа благодати оскорбляет» (Евр. 10, 19. 22. 26. 28—29).

К числу установлений, призванных оберегать и поддерживать благоговение к таинствам и прочим священнодействиям, должно быть отнесено и богоучрежденное иерархическое священство, наделенное особыми духовными «преимуществами». Выделение из среды верующих, из среды «царственного священства», призванного устроять из себя «дом духовный, священство святое» (1 Петр. 2, 5. 9; ср. Откр. 1, 6; 5, 10), особого сословия, в котором исключительным и единственным образом течет непрерывный «ток иерархической благодати, излиявшийся на апостолов сошествием Святого Духа, простирающийся от рода в род, из века в век, чрез преемственные рукоположения, сообщающий рукополагаемым епископам дарование Божие, оттоле живущее в них (1 Тим. 4, 14) и тайнодействующее в Церкви» (митр. Московский Филарет. О непрерывности епископского рукоположения в Английской Церкви — см. «Православное обозрение», 1866, февр., стр. 86—87),— было необходимо прежде всего для возбуждения чувства духовной ответствен-

ности и страха Божия перед лицом величайшей святыни церковных таинств.

Это возбуждение чувства духовной ответственности имеет место и в отношении мирян, и в отношении пастырей. Мирянин, сознавая, что он не призван Богом и Церковью к совершению таинств и что самовольная попытка человека, не облеченного благодатью священства, совершать установленные в Церкви для подаяния благодати Святого Духа священнодействия была бы тщетной по результату и тяжко наказуемой по примеру Дафана и Авирона (Числ. 16, 1—40), естественно, располагается к более смиренному состоянию души и благоговейному восприятию благодати таинств, совершаемых нарочито для этого посвященными пастырями. Пастырь же, нравственно обязанный быть «образцом для верных в слове, в житии, в любви, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4, 12), не может не смягчаться сердцем и не ощущать свое недостоинство при воспоминании о том, что «священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди горних сил» (Св. Иоанн Златоуст. 3-е слово о священстве. Творения, СПб., 1895, том 1, книга 2, стр. 416).

Особые «преимущества» священства не должны вносить и обычно, то есть при правильном их понимании, не вносят какой-либо дисгармонии в общий строй церковной жизни. Прежде всего, в своей личной, семейной и церковно-общественной жизни епископ или священник так же нуждается в благодати и благодатной помощи Божией, как и любой член Церкви, призванный «со страхом и трепетом совершать свое спасение» (Фил. 2, 12). Даже более. Эту потребность в помощи свыше епископ и священник ощущают в большей степени, чем их пасомые, ибо душа священника, по выражению св. Иоанна Златоуста, должна быть «чище самих лучей солнечных» (О священстве, там же, стр. 460), потому что «священник, хотя бы и хорошо устроил свою собственную жизнь, но если не будет с должным усердием заботиться о жизни... всех других, вверенных его попечению, то вместе с порочными пойдет в геенну» (Св. Иоанн Златоуст. Беседа 86-я на Еванг. Иоанна, СПб., 1902, том 8, книга 2, стр. 589—590). Таким образом, преимущества сана и служения не создают неравенства между священнослужителем и мирянином в области отношений человека к Богу как Спасителю и Судии. «Есть случаи, в которых священник,— говорит св. Иоанн Златоуст,— ничем не отличается от подначального, например, когда должно причащаться страшных Таин...» (Творения, СПб., 1904, том 10, книга 2, стр. 632. Беседа 18-я на 2-е послание к Коринфянам). «Во всем у нас с вами равные преимущества, и главнейшие из благ у нас с вами одни и те же. Я не в большем количестве и вы не в меньшем приобщаемся священной трапезы, но одинаково приступаем к ней — как я, так и вы. И если я приступаю первый, то этого нисколько не должно считать чем-нибудь важным, потому что и между детьми старший первым простирает руку к яствам» (Св. Иоанн Златоуст. Беседа 4-я на 2-е послание к Фессалоникийцам. Творения, СПб., 1905, том 11, книга 2, стр. 605).

Священник, как живое орудие в руках Тайносовершителя Бога, имеет не только власть совершать таинства и священнодействия, но и долг смиренно служить Церкви выполнением этих освящающих действий. В неразрывном единстве тела Церкви «страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены» (1 Кор. 12, 26). По этой причине всякое таинство и всякое священнодействие, над кем бы и для кого бы оно ни совершалось, есть действие всецерковное. И так как дар благодати, естественно, предполагает наличие встречного свободного выражения любви, или чающей получить милость от Всещедрого Бога, или благодарной Богу за полученную милость, то это всецерковное действие сопровождается

или просительными или благодарственными молитвами не только лиц, над которыми или для которых оно совершается, но и всей солидарной с ними Христовой Церкви. Таинства и священнодействия совершаются священнослужителями, но при молитвенной поддержке всей Церкви. «В молитвах много содействует народа...». При самом совершении страшных таин священник молится за народ, а народ молится за священника, потому что слова «со духом твоим» означают не что иное, как именно это. И молитвы благодарения также суть общие, ибо не один священник приносит благодарение, но и весь народ; ибо, сперва получив ответ от народа и потом согласие, что достойно и праведно есть совершаемое, начинает священник благодарение. И что удивительного, если вместе со священником взывает и народ, когда он возносит оные священные песни совокупно с самими херувимами и горними силами. Все же сие сказано мною для того, чтобы каждый из подначальных трезвился, чтобы мы знали, что все мы едино тело есмы и столько же различаемся один от другого, сколько член от члена, и чтобы мы не всё возлагали на одних священников, но и сами пеклись о всей Церкви, как о теле, всем нам общем» (Св. Иоанн Златоуст. Беседа 18-я на 2-е послание к Коринфянам. Творения, СПб., 1904, том 10, книга 2, стр. 632—633).

§ 2. «Disciplina arcani».

Поддержанию в верующих благоговейного настроения в отношении к сакраментальной жизни Церкви призван был содействовать и прочно укоренившийся в Древней Церкви обычай «молчанием охраняти святыню таинства» (выражение св. Василия Великого в 27-й главе его книги о Святом Духе к блаженному Амфилохию — см. прав. 91-е). Этот обычай, а равно и воплощавшую его практику хранения в тайне некоторых элементов церковной веры и устройства (относящихся к существу таинств и важнейших священнодействий) принято обозначать терминами «disciplina arcana» (в переводе с лат.: дисциплина, сохраняющая в тайне) или «disciplina arcani» (дисциплина тайны) [1]. Disciplina arcani с самого начала исключила возможность присутствия при евхаристии лиц, невозрожденных в таинстве св. крещения. «Никто да не вкушает, ни пиет от вашей евхаристии, кроме крещенных во имя Господне» (Дидахи, гл. 9). Хотя здесь и говорится прямо лишь о вкушении евхаристии, однако, поскольку в Древней Церкви причащались все присутствовавшие при литургии, а те, кто, по какой-либо причине не могли приобщаться, не должны были и присутствовать на ней [2],— предписание Дидахи следует рассматривать как указание на то, что некрещенные не имели права ни причащаться, ни присутствовать при евхаристическом богослужении. Известно, что впоследствии храмы стали доступными для всех, без исключения, посетителей даже во время совершения евхаристического канона, но многозначительным напоминанием о древней disciplina arcani являются и поныне слова: «Да никто из оглашенных, елицы вернии, паки и паки миром Господу помолимся».

Disciplina arcani коснулась и области христианского научения. Она выдвинула требование: избегать говорить перед оглашенными и перед язычниками о предметах, касающихся таинств и вообще сакраментальной жизни Церкви. Не имея ничего общего ни с подражанием секретно-

---

[1] В русской богословской литературе нет специального исследования по вопросу о disciplina arcani. Некоторые сведения см. в статье свящ. А. Юрикас «Disciplina arcana у древних христиан» в журнале «Странник», 1910, март, стр. 370—398.

[2] Ср. возглас диакона в армянской литургии: «Целуйте друг друга лобзанием святым, и те из вас, которые не могут причаститься сего Божественного таинства, да выйдут за двери» (Собрание древних литургий, СПб., 1874, вып. 2, стр. 200) и возглас в коптской литургии св. Кирилла Александрийского — «непричащающиеся изыдите» (там же, вып. 3, стр. 99).

сти языческих мистических культов (вопреки И. Касобону и его последователям), ни с идеями гностиков о «тайном предании», disciplina arcani преследовала чисто воспитательные цели. Это был педагогический прием, направленный на то, чтобы повысить чувство благоговения как у оглашенных, которые лишались известных преимуществ, так и у верных, имевших эти преимущества. В связи с требованиями, имевшими в виду непосредственно оглашенных, находятся и требования относительно сдержанности по отношению к язычникам. Св. Афанасий, в связи с известным делом Исхиры, писал в Апологии против ариан: «Не должно открывать тайн непосвященным, из боязни, чтобы язычники не смеялись над ними в своем невежестве и чтобы оглашенные не соблазнялись тем, что эти тайны известны и язычникам» (Апология, 11). По воззрению св. Афанасия, это не закон, а, скорее, высшее проявление уважения и осторожности: уважения к святым таинствам, осторожности в отношениях к оглашенным (см. свящ. А. Юрикас «Disciplina arcana...», стр. 390).

Воспитательный характер disciplina arcani объясняет тот факт, что ее требования не были ни вечными, ни безусловными. Известно, что св. Иустин Мученик говорил о крещении и евхаристии совершенно открыто в своей Апологии, обращенной к римскому сенату и народу, то есть к язычникам, и этим ничуть не нарушались интересы Церкви. Известно также, что в евхологионе св. Серапиона Тмуитского (сконч. вскоре после 360 года) имеются слова освящения даров (текст см. в статье проф. Н. Д. Успенского «Англиканская литургия с православной точки зрения» — «ЖМП», 1962, № 9, стр. 20), а также формулы посвящения в диакона, пресвитера и епископа. Это показывает, что действовавшая в IV веке disciplina arcani не возбраняла записывать в богослужебных книгах весь чин литургии, хотя, конечно, вряд ли можно было полностью гарантировать отсутствие доступа к этим книгам оглашенных или даже язычников. Трудно допустить, чтобы крестившиеся взрослыми св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Иоанн Златоуст и блаж. Иероним, особенно же — принявшие крещение лишь после их избрания на епископские кафедры св. Амвросий Медиоланский и св. Нектарий Константинопольский могли до самого момента крещения оставаться в неведении относительно существа и даже подробностей церковного учения о таинствах.

Disciplina arcani в широком понимании этого термина действовала в Церкви с самых первых времен (запрещение некрещенным присутствовать во время совершения евхаристии). Охранение святыни таинства молчанием принимало в разные времена различные формы, в зависимости от условий и потребностей церковной жизни, неизменно преследуя высокие воспитательные цели. Разумная осторожность Церкви, санкционировавшей установившуюся в свое время практику «тайного» чтения литургийных, особенно евхаристических, молитв, представляет собой особую, сохраняющуюся и поныне форму disciplina arcani. Отмена тех или иных форм disciplina arcani не является безусловно невозможной, но она должна непременно предусматривать соответствующий эквивалент, главным образом, в виде несомненного подъема уровня духовной жизни внутри Церкви. Примечательно, что требования disciplina arcani были минимальными в I—II веках, то есть в то время, когда, судя по свидетельствам Плиния (см. проф. В. В. Болотов. Лекции по Истории Древней Церкви, т. 2, стр. 69) и св. Иустина (Апология 1, 65, 67), в христианском богослужении, по выражению Ф. В. Фаррара, «все дышало жизнью и все сияло истиной», приближаясь к идеалу, указанному апостолом Павлом: «Если вся Церковь сойдется вместе... и войдет кто неверующий или незнающий, то... он падет ниц, поклонится Богу и скажет: Истинно с вами Бог» (1 Кор. 14, 23—25).

§ 3. Трансформация практики чтения евхаристических молитв.

Св. Иустин Мученик (ок. 100 — ок. 165) в Апологии (главы 65—67) писал: «...Потом к предстоятелю братий приносятся хлеб и чаша воды и вина, и он, взяв, воссылает именем Сына и Духа Святого хвалу и славу Отцу всего и подробно совершает благодарение за то, что Он удостоил нас этого. После того, как он совершит молитвы и благодарение, весь присутствующий народ возглашает, говоря: Аминь. Аминь на еврейском языке значит: да будет».

Столетием позже св. Дионисий Александрийский († ок. 264 г.) писал к Римскому епископу Сиксту II († в 258 г.) о некоем человеке, крещенном еретиками, но находившемся в давнем общении с Церковью: «Я не дерзаю снова приготовлять (ко крещению) того, кто выслушивал благодарения, и вместе с прочими произносил: аминь, и предстоял пред трапезой, и протягивал руки для принятия св. пищи...» (Евсевий, Церковная история, книга 7, глава 9).

Из этих двух свидетельств видно, что древнейшей практикой произнесения евхаристических молитв, державшейся еще в средине III века, было громкое — вслух всего народа — произнесение молитв и благодарений предстоятелем братий, то есть священнослужителем, совершавшим евхаристию. Народ же, слыша эти молитвы и благодарения, по окончании их возглашал: «Аминь».

Иногда громкое чтение евхаристических молитв переходило даже в общенародное их произнесение. В одном из древнейших литургийных списков — Александрийском Людольфовом — после слов: «Достойно и праведно» говорится: «Потом произносят (dicunt) евхаристическую молитву, следуя за предваряющим епископом» (см. Чинопоследование литургии эфиопского текста Апостольских Постановлений в «Собрании древних литургий», СПб., 1876, вып. 3, стр. 8).

В эпоху после св. Константина Великого (306—337) стали сооружаться крупные храмовые здания большой вместимости. Это сказалось на практике совершения евхаристии. Участие всего народа — по крайней мере в условиях больших по размерам храмов — в той форме, как это было в предшествовавшие времена, оказалось практически невыполнимым. Не все присутствующие имели возможность хорошо расслышать каждое слово из произносимых священником или епископом молитв, и если громкое чтение евхаристических молитв, несмотря на это продолжалось, то оно стало более символическим, чем фактическим выражением молитвенного участия в евхаристическом богослужении всей общины. Хотя это и было уклонением от нормы, существовавшей в более ранние времена, однако ущерб, наносимый литургической жизни, не мог коснуться самых ее глубин, то есть жизни сакраментальной. Евхаристия по-прежнему в самом существе своем оставалась, как и останется всегда, действием всецерковным. И хотя этой всецерковной сущности Евхаристии, несомненно, громкое чтение евхаристических молитв вслух всего благоговейно слушающего народа отвечает наиболее совершенным образом, однако не следует упускать из виду, что существенная всецерковность Евхаристии, с внешней стороны, даже и в этом, наиболее благоприятном, случае лишь частично выражается через нечто гораздо меньшее — через участие в ней местного молитвенного собрания. Употребление множественного числа в тексте евхаристических молитв служит, конечно, не простым историческим напоминанием о древней практике их произнесения, а выражает существенно всецерковный характер св. Евхаристии.

Строительство величественных и обширных храмов было связано не только с фактом принятия христианства под покровительство Римского государства, но и с последовавшим за этим фактом быстрым увеличением числа христиан. «Многие стали принимать христианство

отчасти по примеру высших слоев общества, отчасти из-за страха преследований за прежнее, слишком ревностное исповедание языческого культа; было, конечно, немало и тех, кто поступал по сердечному убеждению. Новообращенные переполнили поредевшие за период гонений ряды христианства» (Митрополит Никодим, Христианские храмы и богослужение во времена св. Иоанна Златоуста — «ЖМП», 1964, № 11, стр. 46). Новый состав христианского общества имел своим следствием «понижение уровня нравственной жизни и религиозного сознания в самой Церкви, которая поставлена была в необходимость принять в свое лоно так много людей с языческим строем понятий и житейских привычек, лишь весьма слабо и поверхностно затронутых светом христианской истины» (Проф. В. В. Болотов. Лекции по истории Древней Церкви, т. 3, стр. 102).

Понижение уровня духовной жизни неизбежно отразилось и на отношении к богослужению. Явилась практика редкого причащения, менее систематического посещения храма. Снизилась и молитвенная напряженность и сосредоточенность. В этих условиях многие пастыри Церкви обратили свою мысль на введение новой формы disciplina arcani в виде тихого чтения евхаристических молитв. «Евхаристическое небрежение народа заставило отцов и литургистов сосредоточить преимущественное внимание на раскрытии необходимости благоговения, священного страха и трепета перед Св. Дарами, перед которыми Ангелы закрывают лица» (Б. Сове. Евхаристия в Древней Церкви и современная практика. См. сборник «Живое Предание» — Православие в современности. Париж, стр. 181). Одним из способов возбудить благоговейный трепет перед совершаемым священнодействием евхаристической жертвы и было тихое — вполголоса, но выразительно-одушевленное — чтение молитв священнослужителем при напряженном молчании народа, лишь изредка прерываемом ответными словами или пением.

Во времена св. Иоанна Златоуста (ок. 347—407 гг.), по-видимому, наряду с сохранявшейся еще кое-где практикой громкого чтения евхаристических молитв, все более входила в силу новая практика такого тихого, но воодушевленного, чтения. Это чтение не было абсолютно молчаливым, мысленным. Народ внимал ему, хотя и не слышал отчетливо каждое слово. «Не один священник,— говорит св. Иоанн Златоуст,— приносит благодарение, но и весь народ; ибо, сперва получив ответ от народа и потом согласие, что достойно и праведно есть совершаемое, начинает священник благодарение. И что удивительного, если вместе со священником взывает и народ, когда он возносит оные священные песни совокупно с самими херувимами и горними силами» (см. выше). Это место показывает как будто, что чтение молитв прерывалось на время совместного пения: «Свят, свят, свят Господь Саваоф...», чтобы возобновиться уже тогда, когда вновь наступит молчание в храме.

Ясные указания на тихое чтение евхаристических молитв имеются в толковании на литургию Феодора Мопсуэстийского (ок. 350—428 гг.): «Когда мы пребываем в молчании в великом почтительном страхе, священник начинает анафору». Серафимский гимн, как видно из слов Феодора Мопсуэстийского, поется всеми присутствующими, и «священник присоединяется громко к невидимым воинствам...». «Священник читает тихо эти молитвы» (см. Б. Сове. Евхаристия в Древней Церкви..., стр. 181—182).

Подобное видим у несторианского писателя Нарсаи († ок. 503 г.), основателя Низибийской школы, который в своей 17-й гомилии дает описание и истолкование современной ему литургии: «После возгласа: горé имеим сердца, вся община хранит молчание, и все готовятся к пламенной молитве в своих сердцах... Священник, уста Церкви, от-

крывает свои уста и беседует наедине (beraza) с Богом, как с другом». Конец молитвы произносится вслух. После серафимского гимна, произносимого всем народом, «вся Церковь возвращается к молчанию, и священник начинает общение с Богом...» (Б. Сове. Евхаристия в Древней Церкви.., стр. 183).

Из приведенных данных мы видим, что тихое чтение евхаристических молитв уже практиковалось в конце IV — начале V века по Р. Х. в Церквах Востока, постепенно вытесняя из употребления более древнюю практику громкого чтения.

О существовании тихого чтения в VI—VII веках мы можем судить на основании следующего места из «Луга духовного», составленного Иоанном Мосхом (ок. 550—619): «В иных местах священники имеют обычай громко произносить молитвы святого возношения, почему, часто слыша, дети могли знать их наизусть» (глава 196 о чуде, происшедшем с детьми в Апамее). Но если громкое чтение совершалось «в иных местах», то есть было лишь исключением из правила, то, надо полагать, что в VI—VII веках чтение тихое являлось преобладающей практикой.

Некоторые исследователи полагали, что уже к VIII веку всеобщим правилом сделалось мысленное, молчаливое чтение молитв. Однако приводимые ими данные не имеют силы бесспорного доказательства. Они могут быть приняты и в том смысле, что в VIII веке господствовало тихое — вполголоса — чтение священнослужителем евхаристических молитв. Приводят, например, следующее место из творений св. Германа, патриарха Константинопольского: «Иерей с дерзновением приступает к престолу Божией благодати... Отверзая уста пред Богом и один собеседуя с Ним, и взирая на славу Господню уже не в облаке, как некогда Моисей в скинии свидения, но откровенным лицем. И посвящается он в боговедение и веру Св. Троицы, и втайне изрекает пред Богом тайны, в таинственных действиях возвещая тайны, сокровенные от веков и родов, ныне же открывшиеся нам чрез явление Сына Божия — тайны, которые поведал нам Единородный Сын, Сый в лоне Отчи» (Св. Германа, патр. Константинопольского «Последовательное изложение церковных служб и обрядов».— Писания свв. отцов и учителей Церкви..., стр. 402). Конечно, общая мысль этого места о посредничестве священнослужителя между Богом и народом, подобном посредничеству Моисея, беседовавшего с Богом наедине, благоприятствует, на первый взгляд, тому пониманию, что священнослужитель во времена св. Германа произносил молитвы только мысленно, как бы беседуя с Богом один на один. Но такому пониманию, по-видимому, решительно противоречат слова: «отверзая уста...», которые, очевидно, указывают на произношение голосом. Св. Герман говорит здесь почти теми же словами, что и Нарсаи в вышеприведенном отрывке из его 17-й гомилии: «Священник, уста Церкви, открывает свои уста и беседует наедине (beraza) с Богом, как с другом». Наилучшим пониманием этого места следует признать, по-видимому, то, что во времена св. Германа, как и во время ему предшествовавшее, господствовала практика тихого чтения. Выражение св. Германа: «втайне изрекает пред Богом тайны, сокровенные от веков и родов...» говорит, надо полагать, не о молчании священника, а о таком «тайном» (μυστικῶς) способе произнесения евхаристических молитв, с их полным глубокого вероучительного смысла содержанием, который выразительностью и в то же время лишь как бы частичной доступностью для слушателей возвышает их настроение до благоговейного молитвенного порыва, сообразного величию происходящего таинства. Но таким «тайным» произнесением евхаристических молитв является не молчаливое и лишь мысленное, а тихое, молитвенно-проникновенное их чтение, слышимое присутствующими.

Таким образом, нормой, соблюдавшейся в церковной практике IV—VIII веков, причем нормой, никакими нарочитыми церковными правилами не закрепленной, но и не отмененной, служило тихое, так называемое «тайное» (μυστικῶς) чтение евхаристических молитв[1].

§ 4. Молчаливое чтение — отклонение от нормы тихого, «тайного», чтения.

Впервые о возникновении молчаливого чтения евхаристических молитв мы узнаем из 137-й новеллы императора Юстиниана, изданной в 565 году: «Повелеваем, чтобы все епископы и пресвитеры не молча (σεσιωπημένων) произносили молитвы Божественного приношения и святого крещения, но голосом, который был бы слышим верным народом...» (см. статью Б. Сове. Евхаристия в Древней Церкви..., стр. 179). Император Юстиниан хотел искоренить этим распоряжением новизну кем-то введенного молчаливого чтения молитв и поддержать практику чтения тихого. Верующие, по мысли Юстиниана, должны слышать именно голос вдохновенно молящегося пастыря: о вполне ясном слышании и понимании народом каждого слова здесь, по-видимому, нет речи. Практика ранней Церкви представляется в эти времена неприменимой.

В VII веке молчаливое чтение молитв Евхаристии как будто имело место в монофизитских храмах Сирии. Монофизитский сирийский ученый экзегет Иаков, епископ Эдесский (ок. 640—708 гг.), требованиями disciplina arcani, то есть необходимостью оберегать святость и величие таинств, объяснял, почему «при закрытых дверях, с безмолвием и по устному преданию совершались таинства» (Собрание древних литургий, вып. 3, стр. 113—114). Но эта практика имела, по-видимому, местный характер и обусловливалась какими-то особыми, неизвестными нам, обстоятельствами, располагавшими сирийских монофизитов к чрезмерному усилению disciplina arcani.

Полагают иногда, что столь неумеренное усиление disciplina arcani, как введение молчаливого чтения евхаристических молитв, было будто бы следствием идей, развитых неким богословом-мистиком, жившим около 500 года, которого впоследствии ошибочно отождествили со святым Дионисием Ареопагитом. Этот писатель всячески стремился подчеркнуть и углубить разницу между клиром и мирянами, в частности, в вопросе об их участии в богослужении и особенно в Евхаристии. «Божественный иерарх,— писал Псевдо-Ареопагит,— хотя и низводит благоволительно к подчиненным ему свое единое само в себе священноначальственное ведение, пользуясь многообразием священных символов, но тотчас же, как неуловимый и неудержимый для (вещей) низших, без всякой перемены в себе возвращается к своему начальственному служению» (Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию богослужения, т. 1, стр. 75). «Будь осторожен,— внушал тот же писатель священнослужителю,— и почитай Божественную тайну познаниями духовными, умными и невидимыми; сохраняй от соприкосновения с какой бы то ни было профанной нечистотой, не сообщай святые истины, как только священными способами святым людям, святыми озарениями...» (см. Прот. А. Шмеман. Введение в литургическое богословие, Париж, 1961, стр. 148).

Вряд ли, однако, можно доказать с достаточной убедительностью, будто односторонняя богословская мысль Псевдо-Ареопагита стала характерной для всего последующего церковного понимания отношений

[1] На «тайное» чтение анафоры указывают евхологионы — Барберинов и Порфириев (VIII—IX века).

между иерархией и простыми верующими и будто из этой новой системы представлений произошло некое «ущемление прав» мирян в отношении их участия в общественном, и особенно евхаристическом, богослужении. Трудно представить себе, чтобы Церковь так легко восприняла в свое сознание новые идеи какого-то писателя мистика, забыв слова Златословесного пастыря: «Во всем у нас с вами равные преимущества, и главнейшие из благ у нас с вами одни и те же... И молитвы благодарения также суть общие, ибо не один священник приносит благодарение, но и весь народ»!

Более естественным представляется думать, что Церковь не вводила в V—VIII веках никаких догматических новшеств, расширяющих — в ущерб мирянам — священносовершительные права или функции пастырей, коими они изначально обладали, как истинные апостольские преемники. Введение же в повсеместную практику «тайного» чтения евхаристических молитв было лишь своеобразной исторической формой применения disciplina arcani,— формой, которая казалась наиболее целесообразной в условиях церковной жизни послеконстантиновской эпохи.

Нельзя категорически утверждать, что «тайное» чтение молитв священнослужителями навсегда останется единственной нормой при совершении св. Евхаристии. Такое утверждение шло бы вразрез с несомненными фактами трехвековой раннехристианской литургической практики, а также с всецерковным по внутреннему смыслу содержанием важнейших евхаристических молитв. При всем том следует признать порочной и заслуживающей решительного осуждения всякую преждевременную бездумную и некритическую попытку полностью восстановить раннехристианскую практику гласного чтения евхаристических молитв вслух всех присутствующих в храме, не сообразуясь с реальным уровнем внутренней духовной жизни христианской общины. Подобного рода попытки таят в себе опасность не только «обновленческой» ломки всей структуры евхаристического богослужения, но и возможной профанации высокой идеи неумелым или недостойным ее осуществлением.

Требования disciplina arcani соразмеряются Церковью, где все должно быть «благообразно и по чину» (1 Кор. 14, 40), с наличным уровнем духовной жизни христиан. И только несомненный подъем нравственной жизни, тяготение к глубокому внутреннему обновлению (Рим. 12, 2), в частности, посредством более частого причащения, и глубокое осознание верующими важности большего участия всей общины в евхаристическом богослужении может со временем открыть путь к постепенному обдуманному возвращению, разумеется, по соборному согласию Святой Церкви, к тем особенностям древних раннехристианских литургий, которые «потускнели в сознании христиан от их духовного нерадения, но которые остались в богослужебных книгах Святой Церкви» (Б. Сове. Евхаристия в Древней Церкви..., стр. 194).

Все это не означает, конечно, безоговорочного запрета на проявление доброй инициативы, стремящейся хотя бы отчасти — без каких-либо соблазнительных новшеств — приблизиться к более возвышенному пониманию общиной смысла евхаристического богослужения и к более одухотворенному практическому его выполнению. Так, например, каждый пастырь имеет возможность читать евхаристические молитвы более вдумчиво и проникновенно — вслух всех благоговейно присутствующих и молящихся в алтаре, а также раскрывать пред своей паствой, посредством проповеди, духовную красоту и богатство святоотеческого литургического богомыслия, воплощенного в словах евхаристических молитв.

Во избежание ошибок памяти священнослужитель при совершении Евхаристии обязан пользоваться служебником. Но иногда эта обязанность понимается слишком формально. Это особенно бросается в глаза в тех случаях, когда при соборном совершении Евхаристии предстоятельствующий очень четко и молитвенно произносит вслух все «тайные» молитвы, а сослужащие, тем не менее, каждый в индивидуальном порядке и в своем темпе, «вычитывают» то же самое по своему служебнику.

Все предстоящие престолу должны, конечно, неуклонно участвовать в соборной евхаристической молитве, совершаемой «единеми усты и единем сердцем». Но форма этого участия не должна быть непременно единообразной. Она может заключаться и в индивидуальном чтении по служебнику, когда это действительно необходимо для нерассеянного возношения молитв. Но иногда она может быть и нераздельной, составляющей одно общее с молитвой, произносимой устами одного лишь предстоятеля, но в то же время возносимой «единем сердцем», т. е. при полном мысленном и сердечном включении всех служащих в это единое молитвенное действие. Пастырская совесть должна указать каждому священнослужителю, какую из этих форм следует ему предпочесть в данной обстановке, чтобы он мог наилучшим образом достичь высокой цели своего молитвенного предстояния у алтаря Господня.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Disciplina arcani» и «устное Священное Предание Церкви»

Говоря о disciplina arcani, мы сослались на 91-е правило св. Василия Великого, в котором упоминается о древнем обычае «молчанием охранять святыню таинства». Нужно заметить, что в этом правиле, помимо вопроса о disciplina arcani, т. е. о здравом отеческом обычае, не оглашать, без особой надобности, слишком широко и общедоступно предметы, касающиеся сакраментальной жизни Церкви, затрагивается и другой весьма важный в догматическом отношении вопрос, а именно вопрос о существовании в Церкви отличающихся друг от друга по способу передачи разновидностей Священного Предания. Оба эти вопроса, в сущности, различны, хотя и имеют между собой некоторую связь. Св. Василий говорит о них совместно, так что при чтении правила нелегко сразу точно установить, что именно следует отнести к вопросу о disciplina arcani. Ниже мы пытаемся сделать необходимое разграничение вышеозначенных вопросов и вместе с тем несколько уточнить перевод отдельных мест этого весьма трудного для уразумения и истолкования правила.

1. О записанном и незаписанном священном предании

91-е правило начинается следующим утверждением: «Из сохраненных в Церкви догматов (δογμάτων) и проповеданий (κηρυγμάτων) некоторые мы имеем от письменного наставления (ἐχαῖς ἐγγράφου διδασκαλίας), **а некоторые приняли от** Апостольского Предания по преемству в тайне (τὰ δὲ ἐκ τῆς των Ἀποστόλων παραδόσεω διαδοθέντα ἡμῖν ἐν μυστηρίῳ παραδεξάμεθα) По-видимому, последнюю часть фразы лучше было бы перевести так: «А некоторые приняли от Апостольского Предания (как) переданные нам в таинственном священнодействии».

Невозможно с полной уверенностью определить, что подразумевает св. Василий под «догматами» и что под «проповеданиями». Судя по дальнейшему употреблению им этих выражений, можно полагать, что как «догматы», так и «проповедания» суть или положения веры, т. е. элементы церковного веро- и нравоучения, или авторитетные предписания относительно церковного устройства, в частности относительно богослужебного строя. Различие же между «догматами» и «проповеданиями» заключается главным образом в том, что «догматы» менее ясны по их внутреннему смыслу, «проповедания» же более раскрыты и доступны сознанию верующих. «Иное дело догмат,— говорит несколько ниже св. Василий,— а иное — проповедание. Догматы умалчиваются, проповедания же обнародываются. Род же умолчания есть и неясность, которую употребляет Писание, неудобосозерцательным творя разум догматов, ради пользы читающих».

«Догматы» и «проповедания», о которых говорит св. Василий, как воспринятые «от письменного наставления», так и «переданные в таинственном священнодействии», имеют своим источником Апостольское Предание, т. е. или сохранились в неприкосновенном виде со времен апостолов, или, по крайней мере, сформировались в церковном сознании и практике на почве апостольской проповеди и апостольских установлений. Выражение «от письменного наставления» означает, по-видимому, не только

заимствование от Священного Писания, но и письменное святоотеческое изъяснение и изложение предметов Священного Апостольского Предания (включая и предание, получившее форму Священного Писания). Что же касается выражения «переданные нам в таинственном священнодействии», то оно, по всей вероятности, значит: «переданные нам в чинопоследованиях таинств».

Оба вида предания: «от письменного (святоотеческого) наставления» и «в таинственном священнодействии», т. е. во времена св. Василия, большей частью незаписанное, признаются одинаково важными для жизни Церкви. «И те и другие имеют едину и ту же силу для благочестия. И сему не воспрекословит никто, хотя бы мало сведущий в установлениях церковных. Ибо аще предприимем отвергати неписанные обычаи, аки не великую имеющие силу, то неприметно повредим Евангелию в главных предметах или паче сократим проповедь в единое имя без самыя вещи». Нужно помнить, что «догматы» и «проповедания», дошедшие любым из двух указанных путей, представляют собой предметы веры и церковного устройства, сохраненные в Церкви по причине либо их прямой принадлежности, либо весьма близкого отношения к Богооткровенному Священному Преданию. И естественно, что всякое пренебрежение ими неизбежно должно пагубно отразиться на «проповеди Евангелия», которая приобретает надлежащую полноту только в живом потоке церковного предания с его Богооткровенной основой в Священном Апостольском Предании Церкви.

К числу предметов, сформировавшихся в Священном Апостольском Предании и долгое время не зафиксированных письменно, св. Василий относит «исповедание веры», т. е., по-видимому, Вселенский Символ веры, исторически тесно связанный с символами крещальными. «Самое исповедание веры, дабы веровать во Отца и Сына и Святаго Духа, из каких писаний имеем мы?.. По благочестивому умозаключению, имея долг тако веровати, како крестимся, из предания о крещении производим исповедание веры».

2. *О «Disciplina arcani».*

Некоторые «догматы» и «проповедания» имеют непосредственное отношение к чинопоследованиям таинств и священнодействий Церкви. Таковы, например, «обычаи», связанные с совершением Евхаристии и крещения, воплощенные в ряде практических обрядовых действий и имеющие в то же время особый внутренний вероучительный и нравоучительный смысл. Св. Василий упоминает, в частности, о словах призывания при евхаристическом преложении хлеба и вина, о троекратном погружении крещаемого, о благословении воды крещения и елея помазания, об отречении от сатаны и ангелов его, о крестном знамении и о других предметах.

Такие обычаи передавались не только не «от письменного наставления», но и с нарочитыми предосторожностями, имевшими целью усилить благоговение к таинствам со стороны лиц, готовящихся к вступлению в Церковь. На вопросы о том, откуда взяты эти обычаи и почему они переданы устно, св. Василий отвечает следующим образом. Взяты они «из сего широко не обнародываемого (ἀδημοσιεύτου) и неоглашаемого (ἀπορρήτου) научения (διδασκαλίας), которые отцы наши сохранили в недоступном любопытству и выведыванию молчании, быв здраво научены сдержанностью (σιωπῇ) охранять величие таинств (τῶν μυστηρίων τὰ σεμνά). Ибо какое было бы приличие писанием оглашати наставление (τὴν διδασκαλίαν) о том, о чем непосвященным непозволительно и строить догадки (ὑποπτεύειν). И далее. Сия есть вина предания без писаний, дабы к многократно изучаемому познанию догматов не утратили многие благоговения по привычке».

Очевидно, что в этой части 91-го правила речь идет только об одной разновидности незаписанного предания, и именно о той разновидности, которая, по крайней мере, в ближайшие предшествовавшие жизни и деятельности св. Василия времена, часто рассматривалась как область, подлежащая disciplina arcani. Замечательно, что disciplina arcani не распространялась на Символ веры, хотя и он был тесно связан с устным «преданием о крещении».

Хорошую параллель к процитированному месту из 91-го правила св. Василия Великого представляет свидетельство Сильвии Аквитанской (Этерии?), сообщающей о беседе Иерусалимского епископа с оглашенными: «В течение семи недель вы были научены всему закону Писаний, услышали о вере, услышали также и о телесном воскресении. Но пока вы еще остаетесь оглашенными, вы не можете слышать того, что относится к еще более высокой тайне, т. е. к крещению... Пока вы являетесь оглашенными, сокровеннейшие тайны Божии не могут быть вам возвещаемы» (Peregrinatio ad loc. sanct, XLVI, 6). Из этого свидетельства можно сделать вывод, что, согласно практике Иерусалимской Церкви IV века, оглашаемым на протяжении 7 недель были, по-видимому, изложены основы евангелического учения и объяснены члены Символа веры. Но впоследствии им предстояло услышать еще «более высокие» тайны, т. е. узнать и пережить таинства крещения и причащения, о которых они, как оглашаемые, не слышали в огласительных наставлениях ни слова.